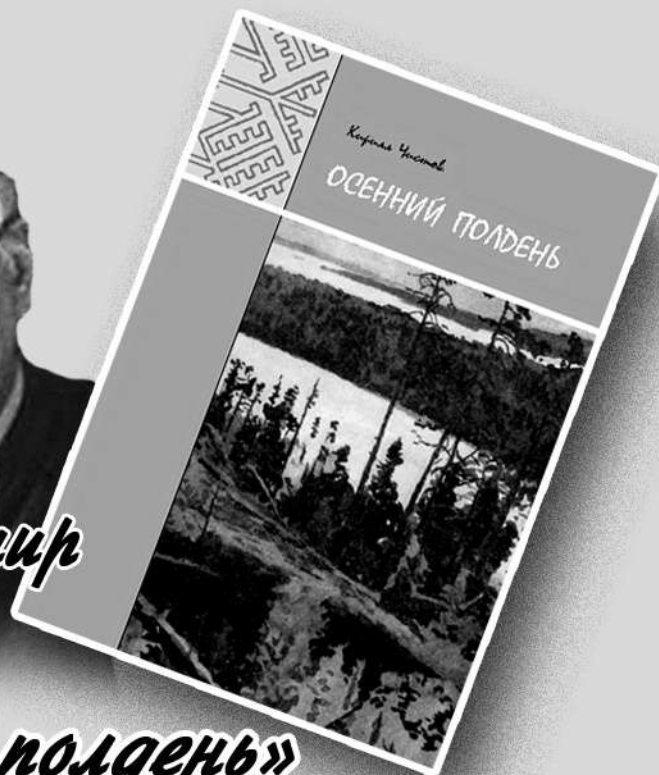

**Тамара
ИВАНОВА**

г. Петрозаводск

Художественный мир К.В.Чистова в книге «Осенний полдень»

Предисловие

Понятие «художественный мир произведения» (иногда именуемый «поэтическим») укоренено в литературоведении разных стран. У нас оно было обосновано Д.С. Лихачевым. [Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения// ж. «Вопросы литературы». – 1968. – № 8. – с. 74-87.]

Художественный мир – условная реальность, созданная воображением писателя с помощью художественных средств по законам словесного искусства, где содержание и форма литературного произведения всегда слиты в единое целое.

«Сколько я себя помню, – вспоминает Ю.К.Чистов во вступительной статье сборника стихов «Осенний полдень», – с самого раннего детства знал, что отец, в высшей степени авторитетный ученый, этнограф и фольклорист, член-корреспондент РАН, пишет стихи». (В тексте ссылки на текст книги с указанием страницы.) «Желание и стремление заниматься поэзией – писать, да и читать за поем поэтические сборники, – добавляет Ю.К.Чистов, – возникало в особые периоды его расписанного по часам и минутам времени: отпуск, болезнь, вечернее одиночество в командировке».

Таким образом, во внутреннем побуждении К.В.Чистова всегда жили рядом два призвания: учёный и поэт. Обширное творческое наследие Кирилла Васильевича Чистова убеждает, что оба предназначения оказались блестяще реализованными.

Кирилл Чистов, автор единственного сборника стихов «Осенний полдень» – большой поэт со своим уникальным мировосприятием, воплощённым в многообразии жанров: баллада, письмо, философское раздумье, переводы. Его художественный мир объёмный и глубокий по проблематике, неординарный по лексике и синтаксису, уникальный в трактовке отдельных тем.

В таком двуединстве учёного и поэта нет противоречия, в чём он сам и признаётся:

*Ах, я, наверно, не учёный
И, вероятно, не поэт,
Я просто дважды удивлённый
И неприкаян столько лет...*

*Пожалуй, личным бездорожьем
(куда ни шаг – по пояс снег!)
Бахвалиться неосторожно
В наш рельсово-шоссейный век.
Что мне бахвалиться? Не стану!
На мне всегда двойная тень
И, просыпаясь утром рано,
Не знаю: чей сегодня день?
Стихами за ночь начинённый,
Ищу других совсем побед...
Я просто дважды удивлённый,
А неприкаян столько лет. (С. 96-97)*

Несмотря на то что поэтический сборник оказался единственным в обширнейшем перечне опубликованного К.В. Чистовым, он, на наш взгляд, соответствует такому признанию: «Вот эта книжка небольшая томов премногих тяжелей», – написал Афанасий Фет на книге стихов Фёдора Тютчева. [Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С.33. «Библиотека поэта» (Большая серия).]

Без поэтического сборника личность К.В. Чистова была бы в чём-то незавершённой в творческом потенциале.

Творчество для автора книги стихов «Осенний полдень» – не забава, если поэт решается на труд творчества, значит, что-то его к этому движет, стремится какая-то могучая сила, какая-то непобедимая страсть, которая всегда остаётся тайной:

*Нелёгкий груз поэзии родной
Меня гнетёт еженедельно по субботам,
Когда уже оставлена работа
И сумерки сгустились надо мной.*

Вот тогда-то и приходят:

*Кварталы строф, бульварами сонеты,
Поэмы – парки и пруды,
и летом
Синкопы трав предчувствует нога. (с. 92)*

Ассоциативный ряд этого стихотворения весьма многозначен, он может отослать нас «К моей чернильнице» Пушкина либо к известному признанию Ахматовой в цикле «Тайны ремесла»:

*Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей,
По мне в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.
<.....>*

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.*

**[Ахматова Анна.
Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С.277.]**

У Кирилла Чистова «Стихи прибредились, приснились, пришептались, / Вспугнули ночь и притемнили день, / Осуществлялись, перевоплощались, / Объём искали и теряли тень» (с. 87).

Благодаря синонимическому глагольному ряду первая строфа приобретает исповедальную интонацию, приоткрывающую тайну рождения стиха. Не-

одолимость слова в стихе метафорично воплощена в заключительных строчках, когда, наконец, «в припадке своенравья» стихи решили, что «пора им вернуться в слово или умереть!» (с.88)

Художественный мир автора в книге стихов предстаёт как неповторимый образ личности и времени. Сочетание документальности и проникновенного лиризма придают особое своеобразие и целостность книге стихов «Осенний полдень».

Кирилл Чистов пишет о войне и мирной жизни, о нечеловеческих страданиях и силе духа, о смерти и жизни, любви, глубине и значении этого чувства, о свободе личности, праве человека избирать свою судьбу, о тайне поэтического слова, о творцах устного народного слова. О природе он пишет так, как это присуще русской поэтической традиции, где тесно взаимосвязаны природный и человеческий миры.

В лирике Чистова слово, многократно повторяясь либо варьируясь в одном и том же тексте, кочуя из одного произведения в другое, приобретает новые оттенки смысла, становится символом. Поэтический мир книги «Осенний полдень» являет собой плотную ткань, соединившую и смешавшую в себе образы и символы, мотивы и темы творчества. Соединяясь и взаимодействуя между собой, символы становятся тем самым полем поэтического мира.

Открывает сборник стихотворение «Осенний полдень»:

*Осенний полдень –
Золото и грязь,
И серебро дождя,
и власть
Воспоминаний, опадающих как листья
С деревьев, корчащихся в твисте
Под ветром, вихрем, всплеском, штормом,
холодным, влажным, резким, вздорным...
Осенний целомудренный стриптиз –
Одежды падают легко и грустно вниз
под шум дождя, под звон трамваев...
Всё это по привычке мы называем
осенний полдень. (с. 10)*

Яркая цветопись – характерная особенность поэтики Чистова в целом. В этом тексте органично сочетаются «и золото, и серебро, и грязь», но ведь есть ещё «власть воспоминаний, опадающих как листья», и звуки в городе – «шум дождя под перезвон трамваев»). Причём образный строй текста пронизан мажорной интонацией, поэт скорее восхваляет сезон перемен, несмотря на осенние дни.

Заклученный в двух словах «осенний полдень» смысл – это и тема стихотворения, и всей книги, где

в единстве время года и время дня с его главной приметой – неумолимостью не только в природе, но и в человеческой жизни. Полдень – момент времени в середине дня, между восходом и заходом солнца (половина дня), это и момент верхней кульминации Солнца; принято также называть полднем момент времени. Однако помимо прямого временного выражения фразеологизм приобретает дополнительные смыслы. Ведь после полдня солнце катится к закату, особенно долгому осенними днями, когда гаснет узкая, как щель, полоска заката, рдевшая на самом краю горизонта, когда уже не видно ни земли, ни деревьев, ни неба. Время в этом тексте – эпилонг, приводящий к неизбежному концу, и многооточие, обещающее продолжение, очевидно, там, за горизонтом. Стихотворение «Осенний полдень» – свидетельство яркой образности, неординарного синтаксиса, плотности лексики автора, и вместе с тем, самое главное – являет те дополнительные смыслы, которые присущи истинной поэзии.

Подобная живописность и звукопись текста сродни левитановским полотнам, стоя перед которыми ощущаешь тревогу и человеческую трагедию «У омута» либо слышишь кандалный звон «Владимирки». Таким образом, заглавие стихотворения становится многомерным и убедительным символом человеческой жизни с её расцветом, полднем, началом конца – закатом. Стихотворение подарило книге не только название, на наш взгляд, оно является ключевым, определяющим поэтический мир Чистова.

Именно время, где автор и герой максимально сближены, – лирический герой книги стихов.

Текст «Осеннего полдня» перекликается со стихотворением Р.М.Рильке «Осенний день» (*С. 100 – переведено К.Ч.*), где сюжет стихотворения в одиночестве каждого, в том высоком смирении, с которым относится человек к неизбежному круговороту бытия.

Время – лирический герой книги... Поэтический мир Чистова становится и предстаёт многогранным, разнообразным, но он чётко делится на два периода – это две эпохи в жизни страны и автора, которые разделила Великая Отечественная война, поэтому в основе композиции книги два подзаголовка: «Годы войны» и «Иные годы» (Конец зимы. Весны начало) плюс переводы из Р.М.Рильке, где живой жизни во второй книге отведена большая часть. Стихи в этих двух частях книги контрастны не только по отсчёту времени, но и прежде всего по способу выражения лирической мысли словом, интонацией, ритмом.

Годы войны

Годы войны и её участники... Кто они? «Подранки мы, сквозь нас прошла война...» – эти строки принадлежат также воину-филологу, защитнику Ленинграда, профессору ПетрГУ Леониду Резникову (21.02. 1919 – 18.02.1992), судьба которого пересекалась с жизнью К.В.Чистова, прежде всего в Карелии. На мой взгляд, эти поэтические строки – точная характеристика поколения, которое ушло на войну молодым.

Война не отпускает автора книги «Осенний полдень». В его стихах и горькая, и обыденная, и трагическая правда войны, поэтому в стилистике, ритмике стихотворений о войне чеканный ритм, точность деталей, отсутствие яркой цветописы, преобладают назывные предложения. Всё это создаёт отчаянное горе войны.

*Ближих война развела по углам,
С чужими жить приказала.
Полустанками стали родные дома,
И домами стали вокзалы. (с.15)*

Трагическую интонацию усиливает всенародный вопль-плач, ставший привычным в военные годы, плач, тональность которого столь знакома собирателю и исследователю фольклора К.В.Чистову:

«Где вы, соколы родные? Где летаете вы, братцы?» (с.14)

Стихи о войне датированы. Мы найдем стихи, написанные в годы войны, которые имеют точные даты 1942-й, 1943-й.

Особое место в поэзии Чистова занимает тема плена: боль, отчаяние, унижение и поругание человеческой личности; одно так и названо «В плену. Ночь»:

*Стрела на моём плече горит,
Всем, кому надо, она говорит:
«Вот – пленный. Вещь. Скотина.
Бейте, кому не противно!»*

Автор передаёт не только личностное, но и общее ощущение трагедии людей, оказавшихся не по своей воле в плену.

*Патрули,
приклады,
крики,
Ноги, спины,
а на спинах
Мерзкий знак, как на скотине! (с.14)*

И в этом ужасе боли, отчаяния особенно важно проявление человечности:

*И только ночью, впотьмах, во сне
Друг мой любимый ползёт ко мне,
Он скажет сейчас мне слово,
И я скажу ему слово,
И он повторит мне снова:
«Подвинься тихонько и слушай –
Звали тебя Кирюшей.
Звали тебя Кириллом,
Было то. Было! Было!
Отольются им наши слёзы,
Приморозятся наши морозы,
Наши молнии, наши грозы –
Настругают крестов берёзовых!
А мы ещё люди. Люди!
И мы ещё будем. Будем!»*

(1942) (с.17)

Начало стихотворения «В тифозном сарае»: «спасибо тебе, золотая солома», – обжигает сердце: мотив родного дома, воплощённый в образе «золотой соломы» – это не только символ прекрасной жизни «до», он усиливает контраст происходящего «после». Этот жуткий тифозный барак – спасение: солдатам повезло, потому что их кинули на съедение вшам, «вот почему никто не смел даже сунуться к нам» (с.18).

«Гонят колонну». 1945. (Польша)

Знание языков позволяло автору в случае необходимости легко и непринуждённо вводить иноязычную лексику:

*В спину нам автоматы глядят.
Чуть упали – и они загалдят,
Они застрекочут, заверещат*

Los! Los!

Weg! Weg!

За побег – к расстрелу

Gefandene – пленный, схваченный.

(1943) (с. 23-24)

Что переживает человек, приговорённый к смерти (вспоминаются мироощущения приговорённого к смерти Достоевского в письме к брату), а здесь ещё пленный даже сам себе копает могилу.

*Но город за холмом давным-давно нас ждёт.
Мы наконец войдём в его кварталы!
Навстречу хлынет нам заждавшийся народ,
Изголодавшийся, истерзанный, усталый...
И как всегда – рыдающая мать,
Тоскующая дочь*

начнёт искать

Сыночка

и отца

и мужа среди нас... (с.22)

Вторая часть книги – «Иные годы» (Конец зимы – весны начало), где поэтический мир Чистова, мир исканий, напряженной мысли, нерешенных вопросов и больших философских проблем. Одна из них художник и время, человек и время, этапы его жизненного пути.

Мы все чувствуем быстротечность времени, понимаем, как быстро, почти мгновенно всё проходит, как мы не поспеваем, хотя стремимся всё успеть. В споре с привычным суждением: «время идёт», рождая запоминающийся своей точностью афоризм, утверждает: «Нет! время не идёт, ведь это мы проходим по земле...» (с. 57). Причем в этом поединке человека со временем, человека, постоянно стремящегося к скорости, заложен ещё парадокс, на который акцентирует внимание автор «Осеннего полдня»:

Нет, время не идёт,

ведь это мы проходим,

Проходим по земле,

по улице между домами,

По берегу реки у самых волн ,

И по лесу, и по полю,

открытому нам с детства,

В горах, где каждый шаг – начало восхождения...

И заставляет нас вспомнить главный парадокс времени и восприятия человеком:

Да, мы

Идём,

плывём,

летим...

Стремимся

Удлинить свой путь

И, действительно, любой ценой мы, люди,

Стремимся

удлинить свой путь,

Но!

Но только ускоряем! (с.57-58)

И вполне закономерный повтор – вывод:

*Ведь это мы проходим по земле, а время не идёт,
Оно –*

лишь нашей скорости

обозначенье. (С. 58)

И в этих повторах, градации глаголов несовершенного вида «ускоряем», «проходим» – напоминание той неизбежной границы, той точки, которая прерывает земное время, переводя его в неведомую бесконечность.

Вот почему автора так привлекает простое и мудрое суждение Альберта Эйнштейна (оно предпослано в качестве эпиграфа стихотворению «В столице дождь и листопад...» с.72). Прославленный физик-теоретик заметил, что если бы стал бургомистром, то велел бы поставить на каждом перекрестке скамейку, чтобы люди имели возможность посидеть и подумать о том, что с ними происходит» (с.72).

Вот поэтому стихотворение «О Господи! ты разве Бог?!» с его вопросительно-восклицательной интонацией в начале, где он обращается, как один из его любимых поэтов Рильке, к Богу, не выглядит просьбой или молитвой, а представляет собой неспешный дружеский разговор с кем-то, кто был терпеливым и внимательным собеседником долгие годы.

Последующие семь стихов – это ответ-спор, ответ-раздумье, ответ на вопрос первого стиха в тексте: О, Господи, Ты разве Бог?!

*О, Господи, Ты разве Бог?!
Ты просто незадачливый отец, который
Детей осиротевших уберечь не смог
От бесконечной крови и позора...
А если всё-таки ты Бог
Всевидающий, всеильный, всемогущий,
Так как же ты и смел, и смог
Шесть тысяч лет любимое создание мучить?
(январь 1996) (с.84-85)*

В мире русской классической поэзии природа – это огромное живое существо. Поэтический мир Кирилла Чистова характеризуется преимущественным вниманием к мельчайшим проявлениям жизни природы, которые поэт подмечал с необыкновенной зоркостью. Он, подобно великим русским поэтам, видел природу глазами художника, слушал ее как музыкант. В его поэтическом мире все звучит и поет, все сверкает и переливается красками, переключаются звук, запах, форма, цвет.

*Нерасторжимые, сроднясь, как тень и свет,
Глубокий, темный смысл обретшие в слияньи,
Подобно голосам на дальнем расстоянии.*

Осень для автора сборника – любимая и очень важная пора: «Торжественная осень, не спеши» (с.92), «Осеннее утро» (с.61), «Казалось, осень в пух разорена...» (с.74); «Ты называешь осень гимном» (с.79); «Осень лихая пуста» (с.84).

Осень прекрасно вписывается в жизнь, мировоззрение Кирилла Чистова с приятием великого круга бытия.

*Торжественная осень, не спеши,
Не торопи обряда расставанья с летом,
Свое швыряние букетами
Хоть на недельку отложи!
Нам тяжек этот переход.
Дай присмотреться, притерпеться...
Конечно, всё знакомо с детства
И происходит каждый год,
Но трудно понимаем все мы
Губительные перемены
И столь торжественный обряд. (с.91-92)*

Нередко свои стихи Кирилл Чистов строит по типу диалога-спора с незримым собеседником.

Ты называешь осень гимном... – вступает автор в диалог-спор и утверждает:

*И это верно:
Осень – гимн!
Но!!!! листья на асфальте гибнут,
Не возвратиться в землю им.
.....
Поэтому я просто счастлив,
Когда, весенний зная путь,
Травинки сладостные сабли
Проткнули асфальт хоть где-нибудь! (с.79)*

Однако есть неумолимый закон времени :

*...А до зимы осталось пять минут.
Последний дождь, последний лист сбивает.
.....
А дальше что?
Так и бывает.
Не знаешь, что ещё преподнесут.
.....
И ждём: мороз вот-вот нас позовёт,
Окликнет,
и настигнет,
и ударит! (с.91) (с. 79)*

В своеобразии цветописа Кирилла Чистова можно заметить, что она сродни таланту живописца, который не просто кладёт мазки кистью либо едва прикасается к холсту маленькой точкой:

*деревьев чёрные стволы
на фоне синего заката (с.82)*

Такое мастерство рождает живую душу и взгляд человека, осознающего живую сущность всего на земле.

В этом исток яркой метафоричности и –

*Деревья почернели от забот,
Им не под силу груз зелёный...
А может, ветер
или грусть
к поклонам
Их понуждают?
Кто там разберёт! (с. 82)*

Приём параллелизма близок автору, достаточно часто природа подчёркивает душевное состояние персонажей. Автор «Осеннего полдня» постоянно говорит в лирике о своем отношении к миру, о своей любви, о своих страданиях, о своем восприятии природы; он широко пользуется личным местоимением первого лица единственного числа.

Несмотря на сложность, многогранность и некоторую противоречивость, мир поэзии Чистова характеризуется прежде всего тесной связью с мировоззрением и личностью поэта:

*Смерть надо мной кружила с давних пор,
Но так и не решилась. То ли
Я ускользал?
(конечно, это вздор) (с.92)*

В двух вариациях о тишине, где человек вписан во времени, ответ:

*Счастливых посещает тишина,
Как посещает берег час отлива,
Но только им совсем не сиротливо –
Им внятна эта тишина...
<.....>
Поэтому – не слушайте невежд.
Счастливым к счастью тишина.
Она не только обнажение дна,
Она – прощанье с суетой надежд. (с.89-90)*

Мир поэзии книги «Осенний полдень» включает в себя не только основные темы и образы, но и общее настроение, символику и значения упоминаемых образов, но и средства выражения мыслей и авторского «я».

К.В.Чистову знакомо состояние поэтической души, о котором писал Афанасий Фет, стремившийся к стиранию грани между словом и его звучащим воплощением: «О, если б без слова сказаться душой

было можно!» [Фет. Указ. изд. С.157] Поэт мечтал научиться передавать другим людям свои мысли без посредства слов, как-нибудь помимо языка. Автору «Осеннего полдня» близки и раздумья Афанасия Фета, который думал сам и уверял других, будто мысли человека, так же как и его чувства, гораздо богаче, ярче, точнее и полнее тех грубых слов, в которых они выражаются... Вспомним и созвучное афористическое суждение Тютчева, парадоксальное лишь на первый взгляд: «Мысль изреченная есть ложь»...» [Тютчев Silentium] // Тютчев Ф.И. Лирика: в 2-х т. Т.1. М.: Наука, 1965. С.46.] Но он, по крайней мере, считал, что если не каждый человек, то хоть поэт, художник слова, имея «божественный дар», может выражать с совершенной полнотой в словах все что ему вздумается.

Вот почему на пути преодоления этого несовершенства слова и реальности большие поэты стремились к синтезу, о котором писал Шарль Бодлер: «Подобно голосам на дальнем расстоянии,/ Перекликаются звук, запах, форма, цвет» [Бодлер Шарль. Соответствия. (Перевод Вильгельма Левика). С. 20].

Филигранным мастерством, умением выразить в слове мелодию обладает поэт, которому подвластно умение словом выразить звук, музыкальный лад и строй. Одно из таких стихотворений К.Чистова так и названо «Слово и музыка»:

*Аллегро Шостаковича плясало
И, задыхаясь, уходило ввысь,
Потом какое-то кресало
Вдруг исторгало
Искры брызг.
Потом плашмя валилось наземь,
Чтоб тосковать одной из скрипок,
И повторяло: Разве,
Разве
Ваш мир и дух
Не так же зыбок? (с.77)*

Безусловно, книга жизни К.В.Чистова непредставима без темы любви. Оригинальность вечной темы – мелодия любви – в книге «Осенний полдень» состоит в том, что К.В.Чистову удалось соединить в любовной теме не только трепет и нежность молодого чувства влюблённых, но ярко воплотить не потерянное со временем чувство влюблённых, познавших радость семьи и рождения новой жизни. В книге есть страницы, которые вечную и великую тему любви мужчины и женщины разворачивают в плоскость семьи столь выразительно, даже афористично. Стихи «Как назвать мне тебя, жена?!» (с.60), «Вечер вдвоём» (с.68),

«Музе моей» (с.80), «Такая женщина меня любила?!» (с.73-74), «О чём хлопочут птахи по утрам» (с.61) «Письма» (с.64) – это мелодия любви, нежная, пронзительная и трепетная, где лирическое «я» и автор максимально сближены.

Не каждому человеку в этом мире удаётся сразу, при этом раз и навсегда найти свою любовь и – самое главное – сохранить это чувство во всей первозданной прелести до конца земных дней с надеждой на их продолжение в мире ином. К.В. и Б.Е. Чистовым это удалось. Не случайно фундаментальная монография К.В.Чистова «Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд» [СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003] имеет посвящение: «Посвящаю памяти моей дорогой жены и друга Чистовой Беллы Ефимовны».

В стихах Кирилла Чистова нам открывается мир глубоких, тонких переживаний человеческой души. Всё творчество поэта проникнуто не столько томлением, тоской по идеалу, сколько обретением его в жизни земной. Такой выразительности и неповторимости автор достигает благодаря найденной лейтмотивной интонации, именно она придаёт неповторимое звучание каждому стихотворению о любви к женщине в этой книге и характеризуется органическим единством удивления и восхищения, за что ему такой подарок жизни.

Тема любви, пронизывая все творчество, связывает в целостную гармонию отношений раннюю счастливую юность и трагический период – годы войны, полноту творческой работы и семейной жизни. Именно она позволяет соотносить с явлениями внешней жизни душевные переживания, а также приблизиться к тайне души человеческой, исходя из влияния на него объективной действительности, пронести любовь через всю жизнь.

Стихотворение, которое можно было бы легко озаглавить «Жена», – готовый афористический ответ на вопрос, заданный в самом начале: «Как называть мне тебя, жена?»

Нас поражает краткость и точность ответа:

*Ты – мой дом и моя тишина,
Мои дети и мои книги,
Мой хитон и мои вериги,*

*Ты – мой хлеб и моя одежда,
И в глазах твоих
отражена
Жизнь – вся – и теперь, и прежде.*

*Ты – жена.
Ты – моя жена. (с.60)*

Приём отстранения даёт возможность автору «Осеннего полдня» посмотреть на себя и героев со стороны, позволяет автору близко увидеть лица молодых и уже немолодых, но влюблённых, воскликнуть, удивиться и прийти в восхищение:

*...Такая женщина меня любила –
Забыть нельзя, а помнить – невозможно. (с.73)*

Ты обо мне помнишь? Помнишь? Ты ведь моя единственная и последняя любовь. Успокойся, я с тобой. Подумай обо мне, и я буду с тобой, потому что мы с тобой любили друг друга только одно мгновение, но навеки.

И нести боль «на дне души печальной», и плакать, как ребёнку по ночам, которого родная мать забыла. Этот трагический рекем включает точные документальные реалии, понятные и известные многим, не только родным и близким:

*Но разве докричишься в Комарове,
Где, собственно, ведь нету ничего:
Оградка с надписью суровой,
Где ждут меня скорее самого. (с. 74)*

Между поэтическим миром и читателем при непосредственном восприятии есть личность как главный предмет изображения, через которую преломляется действительность.

Стихи К.В Чистова, в которых мастерство стиха, богатство лексики, ритма, интонации – это открытие книгой «Осенний полдень» новых граней жизни и сущности человека.

Чистов Ю.К.

**//Чистов Кирилл. «Осенний полдень»//
СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2004. С.8**